

**Сибирская ассоциация
Консультантов**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Новосибирск, 2011 г.

ГЕНЕЗИС ЖАНРА ПРОЗАИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ В
ТВОРЧЕСТВЕ М.М.ПРИШВИНА
Ольховская Юлия Ивановна

А.П. ЧЕХОВ И В.П. БУРЕНИН: К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ
СБОРНИКА «В СУМЕРКАХ»
Шабалина Надежда Николаевна

Секция 4.2. Литература народов стран зарубежья

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
АМЕРИКАНСКОГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ АМИНА РЕЙХАНИ
Азизалиева Басира Годжатовна

ФИЛОСОФИЯ БРАКА В ЦИКЛЕ ДЖОРДЖА МЕРЕДИТА
«СОВРЕМЕННАЯ ЛЮБОВЬ»
Коноплюк Наталья Владимировна

ИППИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
Мухамадиев Хафиз Сихуатович
Мейрбекова Меруерт Мейрбековна

Секция 4.3. Теория литературы. Текстология

ВИДЫ ЭПИГРАФОВ В РАННИХ ПОВЕСТЯХ
Ф.МДОСТОЕВСКОГО
Божкова Галина Николаевна

викторианского общества, а с другой — связана с идеями философской системы самого Мередита, изложенными в его более поздних произведениях. Изображение брака без любви становится демонстрацией значимого отсутствия, утверждающего иерархию ценностной системы автора.

Список литературы:

1. Harris, W. (1982). *Sifting and Sorting Meredith's Poetry*. In: *The Victorian Experience, the Poets*. Edited by Richard A. Levine. Athens: Ohio University Press, pp. 115-137.
2. Jack, A.A. (1969). *Poetry and Prose; Being Essays on Modern English Poetry*. Port Washington, New York, Kennikat Press.
3. Wheeler, M. (1994). *Heaven, Hell and the Victorians*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press.

ИППИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Мухамадиев Хафиз Сихуатович

к. фил. н., доцент, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы

E-mail: [hafiz.55\(a\).mail.ru](mailto:hafiz.55(a).mail.ru)

Мейрбекова Меруерт Мейрбековна

старший преподаватель, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы

E-mail: [meirbekova\(a\).mail.ru](mailto:meirbekova(a).mail.ru)

Понятие картины мира, в том числе и языковой, строится на изучении представлений человека о мире. Природа художественной литературы — это область образного представления человека о мире. Поскольку познание и осмысление мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, художник слова постоянно находится в поиске новых, более точных образов. Иппический (от греческого слова — *hippos* — лошадь) жанр в сфере анималистической литературы служит наглядным подтверждением сказанному.

В мировой литературе, как и вообще в жизни людей, лошадь издревле занимает особое место. «Подчас ею держатся самые нутряные корни человеческой сущности», — утверждал известный советский филолог и иппиолог Д. Урнов [9, с. 189]. Английский писатель Д. Свифт

в известном сатирическом произведении, обличая пороки своих современников, противопоставил отвратительным *еху* благородных *лошадей-гуигнгнов*. Если изобретённое Свифтом слово *еху* стало нарицательным для обозначения людей, дошедших до скотского состояния в своих самых низменных пороках — зависти и лжи, то другое, сочинённое Свифтом слово *гуигнгнм* является подражанием ржанию лошадей.

Прекрасные литературные образы коней: Холстомера, Изумруда, Гонсалеса, Дору, Гульсары, Кулагера и Асау Тулпара живут в нашей памяти на равных правах со многими персонажами классической литературы. «Предположим, — писал У.Фолкнер, — продукты, которые дают человеку все прочие домашние животные, станут получать искусственным путём, и эти животные должны будут исчезнуть. Но лошадь даёт человеку нечто большее, что греет его душу, что отвечает самой нравственной и психологической его природе» [10, с. 190]. А в начале 20 века по поводу купринского рассказа «Изумруд» критика отмечала: «Во всей третьей книге «Шиповника» вы найдёте только одно живое существо: да и то — не человека, а лошадь. *Изумруд* Куприна — четырёхлетний жеребёнок — живёт, играет. Когда вы доходите до этого рассказа, вам легче становится дышать». «В «Изумруде» живёт вместе с восторгом молодости что-то близкое, дорогое человеку, клочок яркой солнечной жизни» [6, с. 505].

Повесть «Старая лошадь», ставшая литературным дебютом ныне широко известного турецкого писателя Аббаса Саяра, никого из читателей Турции и других стран не оставила равнодушным Повесть о трагической судьбе прекрасной лошади Дору была принята сразу, безоговорочно и критикой и читателями. В том же году повесть была удостоена премии турецкого радио и телевидения, одной из самых престижных премий страны.

В казахской поэтике национальное своеобразие осмыслиения земной судьбы человека также заключено в расширении *интической* концептосферы: судьба героя во многом связана с конём. Вместе с тем многие поэты и писатели далеки от такой сугубо национальной ограниченности. Каждая повесть, каждый рассказ — свидетельство во всём успешного и упорного продвижения к цели: оплодотворить традиции отечественной литературы художественным опытом развитых литератур мира.

Судьба человеческой индивидуальности в современном мире у художников слова становится предметом исследования как бы через мировосприятие животных. Если же их произведения были созданы в конце прошлого века в советское время, то теперь могут быть

прочитаны по-новому и оценены по заслугам. Так, О. Сулейменов, дебютировавший сборником стихов «Аргамаки», традиционную для казахской поэзии тему — иппическую — раскрывает посредством характеристики всадника, который останавливает коня у заветной могилы великого Абая. И снова «О, Конь!». *Вороной, стоящий целого табуна. Социално ешё глубже, острее разговор о коне... [1, с. 17].*

Современные казахские писатели А. Кекильбаев, Д. Досжанов, М. Каназов, М. Магаун, обращаясь к глубинной семантике иппических сюжетов, трансформируют архетипические схемы, реализующие генетически заложенные в них значения. Они скрупулёзно воссоздают подробности национального быта и ландшафта, небезуспешно пытаясь таким образом проникнуть во внутренний мир человека. В поисках более плодотворного приёма отображения действительности они учитывают весь богатый опыт признанных мастеров слова в этом жанре: Л.Н. Толстого — «Холстомер», А.И. Куприна — «Изумруд», В.П. Астафьева «Конь с розовой гривой», Ф. Абрамова — «О чём плачут лошади», Ф. Алегрия — «Призовая лошадь», Аббаса Саяра — «Старая лошадь», Ч.Т. Айтматова — «Прощай, Гульсары», С. Сейфуллина — «Асау тулпар», И. Джансугурова — «Кулагер», Т. Алимкулова «Белый конь».

Многие иппические сюжеты поэтических рассказов писателей казахской литературы передаются, как правило, на фоне весенней перекочёвки аула на джайляу. Сегодня, когда большинство жителей Казахстана стали горожанами, а из сельчан только незначительная часть занимается отгонным животноводством, значение этого ежегодного события с переходом на оседлость стало забываться.

Кочевые — не просто продвижение со стадами на новую стоянку, а своеобразная выставка лучших верховых коней, лучшей сбруи, лучших украшений юрт. Это утилитарное в своей основе действие напоминало собой одновременно и праздничную демонстрацию, и карнавал, и пикник на природе. Так, показ лучших девушек сопровождался самым настоящим избранием «мисс». По воспоминаниям аксакалов торжественно разодетую процессию кочевников возглавляла признанная аульная красавица на белом коне со специальным знаменем в руках. Такое яркое зрелище, циклично повторявшееся каждый год, было привычной картиной в казахской степи. По прибытии на место назначения, первым делом устраивался праздник, с обильными угощениями, пением импровизаторов. И, конечно же, устраивались игры и остязания: *байга и кокпар*.

Перед открытием зимней Азиады-2011 в Центральном Государственном музее была открыта временная выставка «История

казахстанского спорта», подготовленная научными сотрудниками музея. Для многих посетителей выставки стали откровением спортивные эпизоды жизни некоторых знаковых фигур казахской культуры. Например, Абая Кунанбаева, который был поклонником народных спортивных игр. Как известно, что он являлся организатором многодневных конских турниров. А вот прославленного акына Жамбыла Жабаева в роли спортивного судьи состязаний по *кокпару* можно было увидеть в фотоальбоме — самом крупном экспонате выставки.

Кокпар, как и **байга**, являются основными видами народных спортивных игр, в которых решающее значение имеют сила и выносливость коня, скорость и *бег коня*. Конь занимал и занимает особое место в жизни кочевников: конь был верным спутником человека.

Конь, собственно, его стать внушаетnomadu языческое поклонение. Есть в его облике необоримая магическая сила. Фигура, исполненная изящества, моши и мягкости одновременно — от голени до холки. Прислушивается человек к смысловому сочетанию «бег коня» и чувствует веяние замечательного воздуха детства — это уже на генетическом уровне. А перед глазами рождается картина, в которой обязательно таинственно мерцают глаза лошади, а над травами перемещаются табуны и табунки: плывёт и колышется кочевье. Вся степь переливается, поле переполняется дыханием, красками; отсюда и весь сказочный космос: огненный *тулпар* и стремительный *бег аргамака*, боевой клич *аттан* — на коней и яростная игра за *кокпар*.

Бег коня, если довелось кому хоть раз в жизни испытать его, он остаётся бесконечным шелестом и вздохом огромной вселенной в разновозрастном прочтении красоты мира. *Бег коня* — это пойманный, взятой полной грудью степной простор и чувство полёта. Не случайно расстояния в степи измеряются длиной пробега коней на байге: «бег жеребёнка» — 5 км, «бег стригунка» — 8-10 км, «бег коня» — 20-35 км.

К запаху коня, также как и к запаху полыни, очень подходит слово «родной». Это уже концепт «память». Этот запах памяти первороден, естественен для степняка и жителя гор, памятен и для всякого городского жителя. *Бег коня* — зов душевного порыва, соединение стука приглушенных копыт со смятением сердца, необъяснимая прекрасная надежда и тревога.

Подходит, наконец, долгая *байга* к своему завершению, и приходит первым *Конь надежды*, его-то и одаривают со всей щедростью, потому что каждый что-то ожидает от этой жизни. Языческое содержание такого трогательного обычая поэт А. Шамкенов

в стихотворении под названием «Стремя» переводит в концептуальную метафору, органически соединяя с концептом «время».

В душе звучала музыка такая, Как будто ждут открытия меня, И, словно в даль мальчишку увлекая, Степь пела под копытами коня. Я степь узнал от края и до края. Теперь, привстав упруго в стременах, Я вижу сердцем замирая. Вселенной удивительный размах [7, с. 47].

Время может приближаться или отдаляться только в человеке, проходя, как кровь, через сердце, удерживаясь, как память, в душе. Время ускоряет свой бег, выстраивая годы в цепочку. Свои годы и взросление человек сравнивает с летящим конём, чувствуя ветерок с шелковистой гривы, обвевающей, данную ему судьбой, жизнь, как в знаменитом стихотворении Абая о коне-бегунце, как о золотом коне. В 12-летнем цикле летосчисления у казахов национальную картину дополняет иппическое представление о возрасте человека: 25 лет — возраст коня-скакуна.

Байга — это бега. Истоки байги в скачках, которые служили не только средством военной подготовки, но и предшествующих ей специальных физических тренировок для молодёжи и испытания коней. Много и плодотворно на эту тему пишет Д. Досжанов.

Байга — великий праздник. Какой казах не встрепенётся, услышав это звонкокрылое слово — байга! Байгу казахи ждут, как выжженная степь — дождя. Встретятся два верховых, и первый их разговор о конях [11, с. 484].

О высоком же почитании коня-победителя в байге говорит факт существования культа небесного коня — Тулпара. Статус Тулпара — мифического образа крылатого коня — придавался коню-победителю скачек на самую длинную дистанцию. Тулпаром могут называть человека за его несгибаемый характер в преодолении разного рода труднейших препятствий. Так, поэта С.Сейфуллина, пламенного революционера, в казахской литературе называли «неукротимым тулпаром».

Кроме байги, иппическая картина мира будет неполной без других специфических конно-спортивных игр, доведённых до уровня мировидения.

Наверное не случайно, О. Сулейменов, объехав весь мир, напитавшись новых ярких впечатлений, тем не менее вернулся к традиционной конной теме — к изображению весёлой, озорной, полной юмора и глубокого жизненного смысла, национальной игры — *кыз күү*. Кыз-куу — это уникальная игра, в которой юноша стремится догнать девушку на мгновение раньше ускакавшую со старта. Догонит ли юноша свою судьбу — это во многом зависит и от *бега коня*.

Поэтическая миниатюра Сулейменова «Догони» — разёрнутая концептуальная метафора «судьбы».

Догони меня, джигит, не жалей коня, джигит, если ты влюблён и ловок, конь умрёт, но добежит. Но Злые люди, злые люди, вы обидели меня. Дали смелому джигиту, дачи сильному джигиту и красивому джигиту шака, а не коня! [2, с. 18]

Если надежда и ожидание связаны с байгой, то тревога и опасение соотносятся с игрой в *кокпар* — как отражением жизни мгновенной, летучей, противоречивой, богатой оттенками неожиданности и неуловимыми годами. Автор, размышляя о жизни, стремится закрепить её в точных приметах и выразительных словах, в той картине мира, в которой мы себя осознаём.

О беге коня и *кокпаре* пишут М. Каназов в повести «Одинокий», А. Кекильбаев в повести «Призовой бегунец», Д.Досжанов в повести «Полынь и цветы», М. Магауин в повести «Судьба скакуна» — все эти произведения, типологически близкие друг другу, повествуют о трагической судьбе лучших скакунов. Авторы делают средоточием своих повестей образы великолепных представителей коней из породы тех *аргамаков*, которые годны и для *скакек*, и для *кокпара*. В то же время определяющим для их поэтики является то, что персонажи и образы коней принадлежат двум разным мирам: первые — к миру реальности, вторые — к пришельцам из страны романтической поэзии. Описание бега коня — это лучшие образы картины с символической ёмкостью и поэтической выразительностью в повести М. Каназова.

Набирая скорость, он летел вперёд, распластавшись птицей. Долг и размашист был его бег. Напряжение в теле исчезло. Рывок и, и он выстрелил сжатой пружиной, помчался ещё быстрее. Бешено крутясь, аппликовала земля и исчезала под ногами. Загудел в ушах ветер. Потом остался покой, тишина, блаженное чувство полёта [8, с. 56].

Кокпар — конно-спортивная национальная игра: налетают всадники друг на друга, пытаясь овладеть трофеем и умчаться в степную даль. Считается, что *кокпар* — это фонетический вариант слова *кокбори*, что значит на казахском языке *серый волк*. В день повержения зверя каждый старался унести тушу волка к себе, из-за чего возникала борьба, которая со временем трансформировалась в игру-праздник. Игроков в *кокпар* Д.Досжанов называет *кокпарист* и *кокпарщик*, используя русские словообразовательные ресурсы.

*И вот однажды большой той всколыхнул всю округу. Разыгрывали *кокпар*. Топот скакущих коней сводил с ума отца, он не мог усидеть на месте. Оседлал коня. Мать схватилась за стремя, умоляя не ехать: «Конь-то невыстоянный у тебя! А сыну очень хотелось, чтобы отец*

*поехал на *кокпар*. Пусть это будет последний *кокпар* в его жизни [5, с. 329].*

Кокпар — это стремительная карусель «кентавров», при этом всадников кидает из стороны в сторону, они временами пережидают, чтобы обрести равновесие. Время в *кокпаре*, быстро наступает и начинает крутиться волчком, размыкая набегающие круги, превращая схватку то в центростремительное, то в центробежное движение.

Кокпар и в наши дни остаётся одной из популярных спортивных забав, как байга и *кызы-куу*, без которых редко проходит народное торжество. Эти всенародные игры, сохранившиеся с языческих времён, остаются объектом пристального внимания мастеров кисти и художников слова.

В балладе Есекена Елубаева «*Кокпар*», при описании конной игры, автор готовит читателя к зрелищу нешуточного единоборства и к совершенно неожиданному и непредсказуемому финалу, как и сама игра *кокпар*. Не о счастливой награде для победителя идёт речь. Смысл баллады именно в неожиданностях, которые в тексте формируются вокруг ключевого слова *схватка*. В детских воспоминаниях слышатся слова об опасности, читателю же самому предоставлено доискиваться до их мотивов, до второго смысла произведения и оценить концептуальность поэтики.

Таким образом, иппическая тематика в казахской литературе отображает национальную концептуальную картину мира, где взаимодействуют общечеловеческое и личностное.

Список литературы:

1. Аббас Саяр. Старая лошадь. // Современная турецкая повесть. М. «Радуга», 1989.
2. Досжанов Д. Полынь и цветы// Современные казахские повести. М. «Художественная литература», 1980.
3. Досжанов Д. *Кокпар*.// Когда я умирал,- Астана, 2009.
4. Елубаев Е. *Кокпар*.// Яблоневый сад. — Астана. 2001.
5. Каназов М. Одинокий.// Старая зимовка,- Алма-Ата, 1985.
6. Куприн А.И. Рассказы. Изумруд. М., 1983.
7. Сулейменов О. Аргамаки. Алма-Ата, 1961.
8. Сулейменов О. Догони.// Повторяя в полдень. — Алма-Ата, 1973.
9. Урнов Д. По словам лошади. М., 1969.
10. Цитата по книге Урнов Д. По словам лошади. М., 1969.
11. Шамкенов А. Стремя.// Михайловская Н.Г. Путь к русскому слову. М., 1986.